

ВИКТОР ФИНК

ФРАНЦИЯ СЕГОДНЯ

Театр

В театре «Жинна» идет пьеса Анри Бернштейна — «Мыс Бур».

Молодая девушка, послушная советам матери, принимает предложение начинающего, но богатого адвоката и соглашается выйти за него замуж. Этот план поддерживает и пожилой доктор, товарищ ее покойного отца, старый холостяк. Девушка покорно соглашается на брак с молодым адвокатом. Но она его не любит. Она тайно любит пожилого доктора, который еще более тайно любит ее.

В этом — узел драмы, в которую втянута куча народу: девушка, ее мать, доктор, адвокат, друг детства, тайно в нее влюбленный, его жена, — короче, вся труппа. Безумная и неподходящая любовь девушки производит на окружающих впечатление взрыва бомбы или, что еще хуже и опасней, эффект скандала. Но любовь муча, и хотя доктор благородно ей сопротивляется, девушка женит его на себе и в конце пьесы появляется с младенцем на руках.

Я смотрел пьесу и вспоминал, что 25 лет тому назад, когда в этот театр я ходил не в партер, а на галерку, я видел здесь такие же пьесы того же Анри Бернштейна или такого же Анри Батайля. Герои носили другие имена, несколько иначе одевались, но драматургические элементы и драматургические приемы были те же. Разрабатывалась все та же «душевная драма» людей, вступающих в неравный брак. В мое время играл Люсьен Гитри — мужчина колоссального сложения, с медленными жестами и низким голосом — идеальный образец того типа, который в русском литературном театре назывался «благородным отцом». «Благородного отца», человека, которому пора возиться с внуками, подалой, или заправной, или неравной, — во всяком случае осложненной любви. Люсьена Гитри теперь сменил Виктор Франсен, но драматический узел не переменялся.

В «Комеди Франсез» среди пьес классического репертуара (выпущены до «Митридата») идет «Свадебный марш» Анри Батайля.

Молодая девушка из богатой, аристократической семьи безрассудно влюбилась в своего учителя музыки, человека маленького, робкого, застенчивого. Девушка покинула отчий дом и бежала со своим пианистом в Париж. Влюбленные поселились на мансарде и бедствовали. Но молодая девушка разыскала свою подругу детства, которая была замужем за богатым промышленником. Богатый промышленник дает пианисту место счетовода в своей конторе, а сам начинает приударять за безрассудной девой. Она благородно сопротивляется и произносит несколько очень трогательных слов о том, что нельзя женщине раскрывать глаза на содеянное ею безрассудство. Однако пианист уже начинает представлять пред нею в своем истинном и довольно-таки нудном и тусклом виде, и дева чувствует, что любит богатого промышленника. Так как она дева из «хорошего круга» и получила строго моральное воспитание, то она выходит в соединенной компании и кончает жизнь выстрелом из револьвера.

— Видите ли, — сказал мне мой спутник, — самоубийство — почти непременное условие для девиц, если она желает взобраться на заветные подмостки «Комеди Франсез». Если бы она была из тех, которые переживают свои любовные драмы не так уж глубоко, если бы она была склонна как-нибудь полегче разрешить свои сомнения, ей пришлось бы для этого пойти в другой театр.

Этих театров хватает. В одном жена ловит на измене мужа, в другом — муж ловит жену. Успех имеет пьеса, где провинившуюся особу, — кстати сказать, матрону крупного сложения и почтенных лет, — ловит на сцене тупоумный муж; он делает это, задрев ей обки.

Варируются ситуации, варьируется развязка, получается драма, комедия, водевиль, фарс, но самый материал, область

исканий авторов и артистов остаются неизменными.

Я пошел в старый классический «Одеон». Ставили «Даму с камелиями». Увы, это было провинциально и тускло. Это было, как 25 лет тому назад.

— Да, но зачем же я таскаюсь по этим застойным старым театрам? — подумал я. — Есть ведь и другие.

Я вспомнил, что в студенческие годы с волнением ходил в молодой тогда театр «Старой голубятни». Там разрушали театральную рутину, ставили пьесы без декораций, давали инсценировки Альфреда де Мюссе, там я впервые видел «Братьев Карамазовых». Это был театр взволнованных исканий.

В «Старой голубятне» ставят теперь «Семейство Борджиа». Пьеса написана для реабилитации Лукреции, для того, чтобы показать, что дочь папы Александра, сестра Цезаря Борджиа, была, быть может, не такой скверной женщиной, как о ней говорят. Нет не только самой слабой переключки с современностью, нет даже исторического фона, нет социальных выводов даже для своей эпохи.

— Ну, тоже! Нашли куда идти, — говорили мне мои друзья-французы, которым я впоследствии жаловался на удручающую узость «Старой голубятни». — Этот театр давно сделался приютом снобов. Здесь социальные мотивы звучат не должным. Здесь теперь только и делают, что расковыривают и перековыривают психологическую труху. Нет, уж вы лучше сходите в новые наши театры, пойдите посмотреть пьесы Жироу, Кокто, пойдите в «Ателье», там идет «Вольпона».

Эти театры правильной было бы назвать коробочками: в них по 250—200—150 мест. Но зато это театры искательские. Рутинные здесь действительно меньше, и потому публика сюда ходит другая, — более культурная, более тонкая. Эти театры обслуживают внимание. Но какое, открывенно говоря, бесцельное обнаруживают французские театральные искатели! Жан Кокто, несомненно талантливый человек, написал пьесу по материалу древней легенды о фее Мелюзине. Сделана пьеса прекрасно, разыгрывается тоже хорошо. Но искательство

лежит только в форме, смелость только в том, что автор отошел от адюльтера, что в пьесе нет двухспальной кровати, в которой непременно хотели бы поместиться трое. Искательства идейного в том смысле, как это понимаем мы, в пьесе нет: она и сделана, впрочем, не для идеи, а для спектакля. Не следует смешивать.

Жан Жироу написал пьесу «Троянской войны не будет» на тему о том, как возникают войны. Елена увлеклась Парисом, она бросила ради него старого Менелая, Эллада требует войны. Сюжет развернут хорошо, спектакль красочный и живой. К тому же и пьеса животрепещущая, ибо Франция живет под знаком напряженного ожидания войны. Но автор, хотя и разоблачает войну и осуждает ее, а настоящих слов о ее виновниках и о том, как с ними бороться, произнести не умеет. Автор разбежался для прыжка, но у барьера остановился, потому что барьер — революционный, а у автора ноги интеллигентские.

Я пошел в театр «Ателье» смотреть «Вольпона». Блестящая комедия Бен-Джонсона в обработке Жюль Романа и Стефана Цвейга выдерживает уже восьмью сотню спектаклей. И пьеса, и режиссура, и игра актеров замечательны в этом спектакле. Вот лучшее, что можно видеть на парижской сцене. Но разве не симтоматично, что настоящую пьесу, такую, которая трогала бы и волновала не поддельным блестящим ремесленным умением, а настоящим сверканием искусства, Парижу приходится искать в наследии далеких предков?

Слишком изнежен современный французский театр рутиной. Истинное искусство сюда заглядывает редко. И делать ему здесь нечего, да и хозяева не пускают. Оно уменьшено уменьем. Уменьше это рассчитанное, спокойное, в нем нет никакой изобретательности.

Правда, оно доведено до высшего класса тонкости. Если бы мы, советские писатели, богатые великой идейностью нашей страны и нашей эпохи, обладали бы еще и этим тонким мастерством сюжета, этой легкостью диалога, этим изумительным знанием внутренних, скрытых законов театрального письма, сценического контрапункта!

Но в руках буржуазных мастеров это умение лишено самого главного — идеи, идейности, творческой теплоты. Оно сверкает ложным блестящим подобием бриллиантам «Тэга». Оно только похоже на искусство.

У меня был на эту тему разговор с Мазерелем.

— Приходится говорить газетными фразами, — сказал он, — но что же поделаешь — все творчество буржуазии действительно переключено на фашизм. Самостоятельно себя в искусстве буржуазия уже давно неспособна. Поэтому пошляти-ла, тупая безидейность должны не только заменять искусство, но и вытеснять его. Если бы вы знали, как трудно продвигнуть на сцену или на экран произведение истинно-художественное, передовое; оно внушает хозяевам страх. Хозяева, точно сговорившись, не дают ему ходу.

Однако французский народ, великолепный французский пролетариат, лучшая, наиболее честная часть интеллигенции прекрасно отдадут себе отчет в истинном значении тупого убожества, которое царит во Франции в области культуры.

Народ не хочет тупой жизни. Он сам встает на защиту культурных ценностей. Он творит новое — через голову буржуазии, вопреки ей, в борьбе с ней.

Именно под знаком защиты культуры был организован три года назад первый в Париже Дом культуры. Он поставил себе задачей возродить для народа великие богатства французской литературы и искусства, от которых народ был всегда отстранен. Писатели и художники стали объединяться с народом для создания новых ценностей. Писатели и художники, жившие постоянно вдали от масс, замыкнувшиеся в «башнях из слоновой кости», стали понимать, что общение с народом необходимо им для одоления их творчества.

Вокруг Дома культуры объединились в организации люди, работающие в одной и той же интеллектуальной области. Возникли «Ассоциация французских писателей», «Свободное кино», «Союз независимых театров», «Федерация народной музыки», «Дом техники», «Культура и туризм», «Федерация трудящихся фотографов», культурные кружки молодежи, «Федерация воспитания детей», научные объединения, «Объединение друзей музеев», «Ассоциация архитекторов», «Союз художников и скульпторов».

В парижском Доме жизни забыла ключом, и вскоре со всех концов республики стали поступать требования организовать дома культуры в провинции. Во многих городах они уже организованы. Их насчитывается свыше ста. Дома культуры открыты даже в колониях — в Сев. Африке. Республиканская Ассоциация домов

культуры объединяет ныне около 150 000 активных членов. Она является наиболее мощной культурной организацией в республике.

Народный фронт отводил рабочему классу восьмичасовой рабочий день, сорокачасовую неделю и платные отпуска. Это сразу сказалось в мощной тяге рабочих масс к культуре, к культурным формам общения.

Заводские клубы, дороненские читальни, театральные и хоронные кружки зародились и возрождаются почти всюду, где люди трудятся и где их до сих пор оглушали тупоумием быта.

Движение увлекло не только широкие массы, но и лучших представителей культуры. Известный кинорежиссер Жан Ренуар, писатели Арагон, Бребан, Блок, Муссиак, Влек, Низан, Вильдрак, Зевлас, композиторы Руссель, Орик, Кашильи, проф. Моблан и многие другие ведут в домах культуры постоянную и планомерную работу.

Народ восстает и против плоского театра. Мощные театральные организации напавают белиберду, она поддерживается всей силой буржуазного влияния, пьесы интеллектуальной трудно пробиться, но потребность в ней есть, она неслучайна и растет наружу.

Когда в театре «Альгамбра» поставили «14 июля» Ромэн Роллана, пьеса прошла 100 раз подряд при переполненном зале. Однижды на спектакле присутствовал сам мистифицированный автор. Он хотел сократить количество и затесался среди публики. Но его уняли и чуть ли не силой заставили подняться на подмостки. Здесь и труппа и публика устроили ему благодарную овацию за то, что он воплотил в театральные образы лучшие идеи жизни и борьбы французского народа.

Под тем же влиянием премия организовалась «Народный театр». Этому театру приходится туго. Реакционный парижский муниципалитет гоняет его из одного помещения в другое, из «Ренессанса» к «Сарре Бернар», от «Сарры Бернар» еще куда-то. Каждый день актеры не знают, дадут ли им вечером играть, но театр держится стойко, помещения не отдает, играет, и публика ходит. Здесь прошел «Волки» Ромэн Роллана, переделка «Матери» Горького и «Овечий источник» Лопе-де-Вега.

Конечно, силы еще далеко не равны: рядом с вековым деревом вырастет из земли молодой росток. Но дерево гниет, а росток будет расти.